

ВЛАДИМИР
СОЛОВЬЕВ
ПОНЯТИЕ
О БОГЕ

*«Понятие о Боге (в защиту философии Спинозы)» — произведение русского религиозного мыслителя, мистика, поэта, публициста и литературного критика В. С. Соловьева (1853–1900).****

Статья опубликована в 1897 году в журнале «Вопросы философии и психологии». Это, по сути, дискуссия Соловьева с русским неокантианцем А. Введенским. В частности, затронуты такие моменты, как обвинения Спинозы в атеизме со стороны профессора Введенского. Также обозначены позиции спорящих сторон в отношении вопроса об определении понятия Бога в философской системе Спинозы.

Соловьев — одна из центральных фигур в российской науке XIX века по своему научному вкладу и колоссальному влиянию на взгляды ученых и других представителей творческой интеллигенции, поэтов-символистов, например. Он основал направление, известное как христианская философия, разработал новый подход к исследованию человека, который стал преобладающим в российской философии и психологии конца XIX — начала XX века.

Перу Соловьева принадлежат и такие произведения: «Великий спор и христианская политика», «Национальный вопрос в России», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», «Чтения о Богочеловечестве», «Три силы», «Смысл любви».

Владимир Сергеевич Соловьев

ПОНЯТИЕ О БОГЕ

(в защиту философии Спинозы)

За профессором Александром Ивановичем Введенским должно признать редкое умение поднимать и ставить ребром философские вопросы наибольшего жизненного интереса для мыслящих людей. Независимо от того или другого мнения о предлагаемых автором решениях этого рода вопросов, отчетливая постановка их есть уже серьезная заслуга в философской литературе. Такою заслугою кажется мне и последняя статья почтенного профессора «Об атеизме в философии Спинозы», помещенная в 37 книге «Вопросов философии и психологии», — хотя я решительно не согласен с высказанными в ней взглядами как на учение Спинозы в частности, так и на понятие о Боге вообще. Заслужою я считаю ясную и отдельную формулировку вопроса: что собственно мыслится в понятии Бога, каковы те мысленные условия, при наличности которых это понятие действительно присутствует в нашем уме и при устранении которых оно исчезает, оставляя на своем месте только пустое слово? — Признаюсь, что статья А. И. Введенского задела меня за живое сначала из-за Спинозы (который был моею первою любовью в области философии), а потом и из-за другого, еще более важного интереса.

I

По определению Спинозы, как напоминает наш автор, Бог есть существо абсолютно бесконечное, то есть субстанция, состоящая из бесконечно многих атрибутов, каждый из которых выражает собою вечную и бесконечную сущность. В связи с этим Спиноза отрицает у Бога деятельность по целям и произвол, а следовательно личность в общепринятом смысле слова. Отсюда проф. Введенский заключает, что философия Спинозы есть атеизм. Хотя в своей «Этике» философ ежеминутно говорит о Боге, называя так свою абсолютную субстанцию, но он *не имеет права* этого делать, ибо понятие Бога у него отсутствует.

«Несомненно, — говорит проф. Введенский, — что всякий в праве понимать Бога по-своему, но только не иначе как до известного предела, именно до тех пор, пока мы не противоречим тем признакам, которые оказываются присущими Богу *вообще*, то есть *всякому* Богу. Ведь понимание Бога должно быть подчинено тем же требованиям логики, как и понимание любой вещи: о всякой вещи мы в праве мыслить только то, что не противоречит содержанию ее понятия. И что право мыслить Бога по-своему тоже ограничено подобным пределом, видно из того, что в противном случае ничто не мешало бы нам условиться понимать под словом «Бог» любую вещь, например материю, и отрицать существование всякого другого Бога, и при отсутствии всякого ограничения в праве мыслить Бога по-своему нас, все-таки, нельзя было бы обвинять в атеизме. Но ведь это явная нелепость» (стр. 159).

Совершенно верно. Право всякого понимать Бога по-своему имеет бесспорно свой предел, полагаемый существенными признаками этого понятия, с исключением которых оно теряет всякое содержание. Но как же найти эти признаки? По мнению А. И. Введенского, то общее, что приписывается Богу во всех действительных религиях, в чем все эти религии сходятся между собою, — это и будет выражать неотъемлемую сущность понятия.

«Рассмотрим же, — говорит он, — признаки, которые были бы общими и для Зевса, и для Перуна, и для Бога магометанского, и для Бога христианского, и для бога фетишистов и т. д. Они-то и будут признаками, которым, не вдаваясь в логически непозволительную игру слов, уже никто не в праве противоречить, как бы ни понимал он Бога в остальных отношениях».

«И первым общим признаком любого бога служит то, что он всегда в большей или меньшей степени превосходит человека. Христианский Бог бесконечно превосходит человека; Зевс превосходит лишь значительно, а не бесконечно; боги же фетишистов еще менее превосходят его, чем даже Зевс, — но всякий бог мыслится как более или менее превосходящий человека. К этому превосходству мы можем отнести и приписываемое богам бессмертие. Вторым же признаком Бога вообще служит то, что Бог всегда мыслится как личность (имеющая или одно лицо, как это бывает в большинстве случаев, или же три лица, как Бог христианский), действующая по целям, а следовательно и имеющая волю. Одни боги действуют по целям нравственного закона, каков, например, Бог христианский; другие же, как Зевс, — более или менее по целям, возбуждаемым их капризами; но всякий бог непременно мыслится в любой религии как действующий по целям. Даже фетишисты приписывают своим фетишам деятельность по целям. Таковы два признака, которые мыслятся в понятии любого бога независимо от всех религиозных различий. Отбросить один из этих признаков — значит уничтожить понятие Бога вообще. В самом деле, если отбросить признак превосходства, то понятие Бога не будет отличаться от понятия выдающегося человека или даже любого животного, если допустить у последнего личность [?], действующую по целям. Отбросив же личность, действующую по

целям, мы увидим, что понятие Бога перестанет отличаться от понятия материи или же от понятия какой-нибудь огромной, заметно превосходящей человека силы природы, например — от урагана».

«Игнорировать, т. е. уничтожить эти существенные признаки, составляющие понятие Бога вообще, и в то же время употреблять слово «бог» — значит играть словами; между тем Спиноза поступает именно так. В понятии Бога у него фигурирует лишь один из названных признаков — превосходство, так как, по его определению, Бог есть существо абсолютно бесконечное. Но он упорно старается устранить второй признак — личность, действующую по целям, а равно и обладание волей, и тем разрушает понятие Бога в то самое время, когда оперирует над ним» (стр. 159–161).

Это рассуждение, которому нельзя отказать в ясности, вызывает однако, весьма существенные возражения. Мы не думаем, что все боги действовали по целям, но зато сей признак, характерный для божества, по мнению проф. Введенского, слишком выдается в собственном способе мышления почтенного ученого. Задавшись целью отвлечь известное понятие о Боге от всех существующих религий, он вовсе забывает о религиях, решительно не подходящих к этой цели, а те религии, которые не совсем для него годятся, он подвергает некоторой приспособительной операции.

В южном буддизме, сохранившем первоначальное учение Шакьямуни и его апостолов и оставшемся господствующей религией на острове Цейлоне, в Непале и в большей части Индо-Китая, — нет места для личного существа, как предмета богопочитания. Принимать такое существо за причину мира представляется здесь величайшим заблуждением и нечестием. *Айсварика*, т. е. поклонник Исвары — личного Бога вообще, есть бранное слово для правоверного буддиста. Никакому Исваре он не поклоняется и, допуская множество фантастических существ, более или менее действующих по целям, не ставит их ни во что, а *доверяет* только Будде — человеку, спасшему людей своим учением и *отрепшенному от всякой личности, от всякой воли и всякой деятельности в абсолютном покое и безразличии нирваны*.

А. И. Введенский может, конечно, по примеру многих ученых, назвать эту религию атеизмом (хотя это будет неверно), он может предпочитать южному буддизму буддизм северный с его громадным пантеоном. Но от этого положение вопроса нисколько не изменяется. Почтенный автор утверждает, что он отвлек от *всех* религий без различия два существенные признака, одинаково и совместно необходимые для суждения о Боге, — превосходство над человеком и личную целемерную волю; эти признаки должны быть налицо во *всякой* религии без исключения. Но вот нашлась религия, и при том имеющая всемирно-историческое значение, которая решительно противоречит такому утверждению. В понятиях правоверных буддистов два признака, установленные А. И. Введенским как необходимо *совместные*, резко и последовательно *отделяются* один от другого. Эти странные люди, приняв без всякого затруднения в наследство от прежней религии великое множество человекообразных и зверообразных, более или менее целемерно, хотя и чудовищно, действующих богов, отняли у них раз и навсегда признак превосходства над человеком по существу и всякие высшие права над ним, а, с другой стороны, они признали некоторый новый предмет религиозного отношения, некоторое безусловно превосходное существо, бытие или состояние, но такое, которое необходимо характеризуется полным отсутствием воли, цели, деятельности и личности. Признать такое учение атеизмом было бы явною несправедливостью. Божественность нирваны не есть пустое слово, хотя совершенно ясно, что это понятие противоречит тому понятию о божестве, которое проф. Введенский считает безусловно обязательным.

Я нисколько не сомневаюсь, что буддизм вообще, и южный буддизм в особенности, есть религия односторонняя и недостаточная; чтобы не спорить о словах, я готов его прямо назвать ложною религиею. Но когда делаются выводы из согласия в чем-нибудь *всех* существующих религий, то, очевидно, нужно принять в соображение и эту, как бы она нам не претила. Утверждать же, что учение, которому 2000 лет традиционно подчиняется сознание и жизнь тридцати или сорока миллионов людей, не есть религия, было бы ребяческой игрою слов.

II

Другая важная религия, противоречащая выводу проф. Введенского, есть браманизм, — учение, для которого верховный священный авторитет составляют Веды (в широком смысле, со включением Упанишад). Браманизм есть религия очень сложная, или, пожалуй, совокупность религий, объединенных общим священным писанием и хранящую его кастой браминов. На этой общей основе совмещается великое многообразие верований и культов, различного происхождения и различных эпох, с представлениями иногда чудовищно-дикими, иногда утонченно-философскими. Входить во все это разнообразие нет надобности, когда есть общая религиозная основа в священных Упанишадах, подобно тому, как для определения мусульманского понятия о Боге нет надобности разбираться в различных мифологических представлениях об Али, калифе Гакеме и других «имамах», а достаточно познакомиться с Кораном и с ближайшими к Мухаммеду общепризнанными преданиями.